
Ю. А. Ландер

ГРАНИЦЫ (ИР)РЕАЛЬНОСТИ: ДАТИВНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ЯЗЫКАХ ПАМА-НЬЮНГА

Во многих языках австралийской семьи пама-ньюнга глаголы имеют специальные формы, в образовании которых участвует суффикс, идентичный или же исторически восходящий к показателю дательного падежа. В работе рассматриваются синхронные и диахронические аспекты функционирования таких форм, которые нередко могут выступать как в качестве вершин семантически зависимых клауз (в целевых конструкциях и некоторых конструкциях с предикатными актантами), так и независимо, выражая разного рода проспективные и модальные значения, а также маркируя клаузы следствия. Согласно выдвигаемой в статье гипотезе, развитие такой полифункциональности связано с синтаксической неконфигурационностью многих австралийских языков. Значения же, передаваемые дативными формами, выводятся из семантической категории ситуационной референтности. Предполагается, что именно эта категория непосредственно определяет (ир)реальность тех или иных высказываний.

Известный драматизм лингвистических понятий *реальность* и *ирреальность*, очевидно, связан с отсутствием какого-либо четкого определения границ «реального» и «ирреального». Излишне говорить, что это понижает объективность практически любого исследования, использующего эти термины без обсуждения. В настоящей статье предпринимается попытка на конкретном примере преодолеть эту проблему. Речь пойдет об особом типе грамматической полисемии, наблюдаемом в языках австралийской семьи пама-ньюнга у ряда форм, по указанным ниже причинам именуемых дативными. Как мы увидим, ответ на вопрос о том, каким образом могла развиться подобная полисемия, имеет прямое отношение к тому, «где, как и почему заканчивается ирреальность и начинается реальность».

Материалом для этой работы послужили, прежде всего, грамматические описания 16 языков пама-ньонга и данные, представленные в сборнике Dixon (ed.) 1976, отдельная часть которого посвящена показателю, образующему (в частности) обсуждаемые формы. Список упомянутых языков представлен в таблице 1, а их (приблизительное) расположение показано на приводимой карте.

Таблица 1

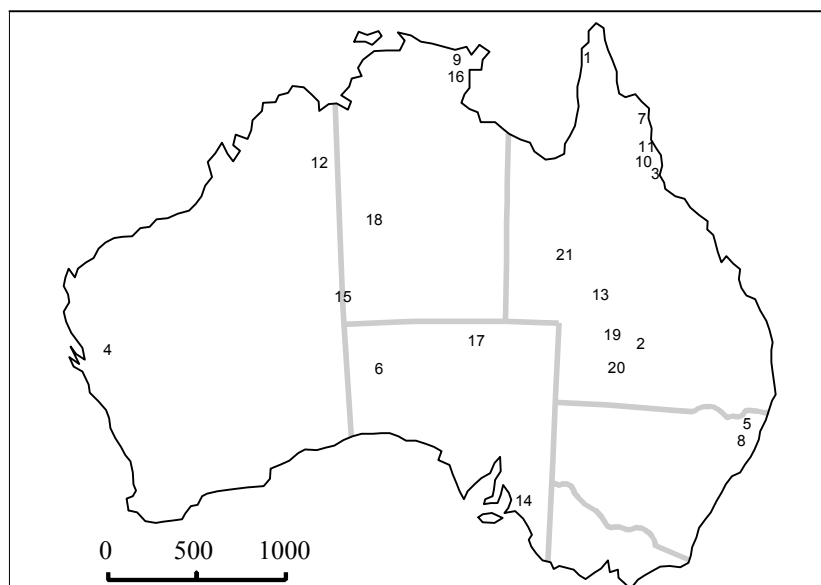
Базовая выборка языков

	Язык	Основные источники
1	Ангутимри (Anguthimri)	Crowley 1981
2	Бидьяра и Гунгабула (Bidyara and Gungabula)	Breen 1973
3	Варгамай (Wargamay)	Dixon 1981
4	Ватъяри (Watjarri)	Douglas 1981
5	Гидабал (Gidabal)	Geytenbeek, Geytenbeek 1971
6	Гугада (Gugada)	Platt 1972
7	Гугу-йимидир (Guugu Yimidhirr)	Haviland 1979
8	Гумбайнггир (Gumbaynggir)	Eades 1979
9	Джинанг (Djinang)	Waters 1989
10	Дьирбал (Dyirbal)	Dixon 1972
11	Дьябугай (Djabugay)	Hale 1976a; Patz 1991
12	Дьяру (Djaru, Dyaru)	Tsunoda 1981
13	Кунгкари (Kungkari)	Breen 1990
14	Нариньери (Narinjari)	Yallop 1975
15	Питъянтъятъяра (Pitjantjatjara)	Glass, Hackett 1970; Platt 1976
16	Ритангу (Ritharngu)	Heath 1976; 1980

Упоминаемые языки, не входящие в базовую выборку

	Язык	Основные источники
17	Арабана-вангангуру (Arabana-Wangganguru)	Hercus 1976
18	Валпири (Walpiri)	Simpson 1988
19	Вангайбуван (Wangaybuwan)	Donaldson 1976
20	Маргань (Margany)	Breen 1981
21	Пита-пита (Pitta-Pitta)	Blake, Breen 1971; Blake 1979

Приблизительное расположение упоминаемых языков

Дативные формы глагола будут кратко охарактеризованы в разделе 1. Раздел 2 описывает их основные употребления, развитие которых в синтаксическом и семантическом аспектах рассмотрено в разделах 3, 4 и 5. В заключительном разделе определяется связь между описываемым явлением и категорией (ир)реальности.

1. Дативные формы: общая характеристика

По-видимому, в абсолютном большинстве языков пама-ньюнга имеются формы, в образовании по крайней мере одного из вариантов которых участвует суффикс, идентичный или же диахронически восходящий к показателю дательного падежа¹ (праформа которого обычно

¹ Правда, в некоторых языках пама-ньюнга имеется два падежа, претендующих на звание датива; как правило, в описаниях они противопоставляются как дательный (Dative) и целевой (Purposive); ср. Blake 1987: 36-37. В таких языках глагольные дативные формы обычно связаны именно с целевым падежом.

восстанавливается как **-ku* или **-gu*; см., например, Blake 1976: 423; 1987: 178; Dixon 1980: 315)²:

- (1) Варгамай (Dixon 1981: 29)
ŋali ŋinba gaga-**lagu** balanu-ŋga gaɟara-**gu** ŋuni-**lagu**
1DU:NOM 2SG:S go-lagu moon-LOC possum-DAT hunt-lagu
'You and I'll go hunting possums by moonlight.'

В примере (1) подобный суффикс осложнен лишь показателем (не-переходного) спряжения *-la-*. В других языках соответствующий показатель может включать еще и дополнительные «аугменты», зачастую противопоставляющие разные функции дативного маркера (причем не только у глаголов, но и — в первую очередь — у имен; см. Laughren 2001). Более того, наряду с «дативным» показателем в качестве маркера таких форм могут выступать и другие алломорфы — и все эти показатели могут присоединяться к разным типам основ: к простой основе, или к основе, осложненной какими-либо дополнительными суффиксами. Например, в кунгкари дативный маркер следует за показателем будущего времени (который здесь также выглядит как *-la*):

- (2) Кунгкари (Breen 1990: 41)
thalu ŋgina wapa-la-ku
where:ALL 2SG:ABS go-FUT-ku
'Where are you going?'

Таким образом, формальная сторона дела оказывается весьма непростой. Но не менее замысловато и функционирование дативных форм. Так, дативные формы могут выступать в качестве синтаксической вершины как в подчиненных, так и в самостоятельных клаузах. Более того, учитывая падежную природу образующего их суффикса, во многих случаях можно было бы предположить, что дативные формы представляют собой результаты номинализации. Отчасти это подтверждается тем, что — как мы увидим ниже — глагольные дативные формы нередко выполняют функции, аналогичные, а возможно, и идентичные

² Примеры даются в орфографии источников, но со слегка унифицированными и упрощенными глоссами (например, там, где это возможно, вместо обозначений «синтаксических примитивов» S, A, O используются падежные ярлыки NOM, ERG, и др.). Поморфемный разбор в отдельных случаях выполнен автором на основе имеющихся грамматических описаний. Показатель дативной формы глагола (в отличие от именного дативного маркера) в глоссах не переводится.

функциям, обнаруживаемым у дативных именных групп, а подчас могут даже и сочиняться с ними (3). Кроме того, в пользу «гипотезы номинализации», казалось бы, говорит и окказиональное присутствие специальных морфем, обычно трактуемых как субстантиваторы (в приведенном примере — *-rnija*), хотя реальный статус этих формантов совсем неочевиден (в статье они условно глоссируются как «вербоидные» показатели).

- (3) Валпири (Simpson 1983: 207)
Nyampuju	punku	paniya-ku=ju	manu	nga-rnija-ku
this	rotten	eye-DAT=TOP	and	ingest-VBD-ku
- ‘This [sap] is bad for eyes and for drinking.’

Несмотря на привлекательность «гипотезы номинализации», она навряд ли достаточно точно отвечает действительному положению дел.

Во-первых, данная трактовка опирается на европоцентричное допущение о том, что падежное оформление свойственно исключительно именам и / или именным группам. Такое представление, видимо, опирается на языки с достаточно грамматикализованными падежами, употребление которых обусловлено синтаксически. Однако для австралийских языков это совсем не так очевидно. Роль семантики при выборе падежа здесь значительно выше, чем во многих европейских языках, а функции падежей обычно не сводимы к одному «управлению» (ср. Dench, Evans 1988; Simpson 1988). Кроме того, употребление «дативного суффикса» восстанавливается для праязыка пама-ньюнга как для имен, так и для глаголов (ср. Dixon 1980).

Во-вторых, австралийские «номинализации» чаще вообще отклоняются от «идеальных» номинализаций по ряду параметров (см. в особенности Nordlinger 2002). В частности, они обслуживают лишь некоторые функции именных групп.

В-третьих, сами «субстантиваторы» подчас свидетельствуют против «гипотезы номинализации». Во многих языках обнаруживается, что «субстантиваторы» имеют прямые соответствия среди участников темпорально-модальной парадигмы. Например, в языке дьинанг в качестве таких коррелятов выступают некоторые «ирреаличные» показатели; ср., например, использование *-nyir(i)* в (4). Между тем, с типологической точки зрения, модально-временные показатели свойственны формам, располагающимся на другом полюсе шкалы предикативности, нежели номинализации.

(4) Дьинанг (Waters 1989: 66, 193)

a. ngarri giri bunggul nya-nyir-gi ga dutj
 1SG:NOM go corroboree see-VBD-gi and return
 ‘I will go to see the corroboree and return (afterwards).’

b. nyani min-dj-nyiri
 3SG:NOM cold-INCH-TPI
 ‘He may become cold.’

Наконец, сама возможность независимого употребления дативных форм, равно как и дальнейшее их развитие (см. ниже) указывают на то, что они могли быть по меньшей мере переосмыслены как нормальные глагольные формы.

Этих аргументов должно хватить хотя бы для того, чтобы усомниться в «гипотезе номинализации» — по крайней мере, если под номинализацией понимается достаточно конкретное явление «превращения» глаголов в имена.

Дативные формы глагола в языках пама-ньюнга засвидетельствованы в самых разных значениях. В частности, они используются для выражения будущего времени, хортатива, императива, а порою и контрфактива — с одной стороны, и настоящего и даже прошедшего времени — с другой. Впрочем, с некоторой долей уверенности можно утверждать, что все эти значения диахронически вторичны, а в основе такого разнообразия функций дативных форм лежит полисемия, возникшая на более раннем этапе и фиксируемая в гораздо большем количестве языков, чем значения, перечисленные выше. Действительно, во многих языках пама-ньюнга у дативных форм обнаруживаются, по крайней мере, следующие группы функций, которые могли бы послужить источником грамматикализации перечисленных выше значений:

(i) оформление зависимых предложений цели (5a), а также синтаксических актантов определенного типа глаголов — в дальнейшем выражение этих функций называется зависимыми употреблениями;

(ii) выражение ряда проспективных и модальных значений — эта группа функций ниже именуется проспективной; см. (5b);

(iii) маркирование предикаций следствия и иногда консекутива; см. пример (5c).

(5) Ангутимри (Crowley 1981: 183)

a. lu ku ?wa-na ta-ṅakumu
 3SG:NOM wood[ABS] cut-PST burn-ṅakumu
 ‘He cut the wood for burning.’

- (5) b. aŋu gwa-ŋakumu
 1SG:NOM eat-ŋakumu
 ‘I want to eat (something).’
- c. lu tʷe læ-ni aŋima-ŋakumu
 3SG:NOM too.much walk.about-PST suffer-ŋakumu
 ‘He walked about too much and is now suffering.’

Именно эта полифункциональность дативных форм и находится в центре внимания настоящей работы.

2. Базовые употребления дативных форм

В данном разделе кратко описываются те употребления дативных форм, что предположительно могут считаться исходными для всех других.

2.1. З а в и с и м ы е употребления дативных форм иллюстрируются примерами (6)—(11). В первом из этих предложений (6) с помощью дативной формы оформляется целевая клауза, характеризующая главную предикацию или какой-либо ее актанта (при этом в том же примере представлена и глагольная дативная форма в независимом употреблении). Кроме того, дативные формы могут возглавлять клаузы, семантически зависимые от ряда ментальных предикатов (7)—(8), а также глаголов требования (9).

- (6) Гумбайнггир (Eades 1979: 329)
 ŋali: buma-ygu gulʃu: biyamba-ygu
 1DU.INCL:NOM kill-ygu pademelon[ABS] eat-ygu
 ‘We will kill pademelon to eat.’
- (7) Ритангу (Heath 1980: 105)
 ja:l-ti-ri=ŋan-ŋu=ra !a-n-ŋu=ŋa=ra
 want-INCH-PRES=3SG-DAT=1SG spear-AUG-ŋu=3SG:ACC=1SG
 ‘I want to spear him.’
- (8) Гугу-йимидир (Haviland 1979: 135)
 Nyulu gaari yinil dhada-nhu, nyulu.
 3SG:NOM NEG afraid[ABS] go-nhu 3SG:NOM
 murnda dhada-nhu
 tame[ABS] go-nhu
 ‘He’s not afraid to go; he is willing to go (lit. brave for going).’

- (9) Варгамай (Dixon 1981: 71)
 waybala-ŋgu ŋaŋa gi:ga-y ɟalguŋu-gu ɟalgi-lagu
 white.man-ERG 1SG:ACC tell-UNM meat-DAT cook-lagu
 ‘The white man told me to cook the meat.’³

Для многих языков зафиксировано и использование дативных клауз (то есть клауз, возглавляемых дативными формами) с предикатами знания. При этом обычно имеется в виду знакомство со способом действия или знание о возможности:

- (10) Ритангу (Heath 1980: 106)
 maŋgi=ŋi: waŋa-ŋa-ɾawu riŋaŋu-ŋuŋu?
 knowledgeable=2SG speak-AUG-ɾawu Ritharngu-ABL
 ‘You know how to speak Ritharngu.’

- (11) Дьяру (Tsunoda 1981: 176)
 mawun-du ŋara man-a ŋaɾag man-u-wu gaŋi-wu
 man-ERG know-PRES.CONT make-VBD-wu boomerang-DAT1
 ‘The man knows how to make a boomerang.’

С типологической точки зрения, единообразное оформление подчиненных клауз в целевых конструкциях и конструкциях с глаголами типа тех, что приведены выше, — явление, характерное для множества языков (отчасти и для русского). Для языков пама-ньюнга такое совмещение функций тем более закономерно, что здесь и именные группы в подобных конструкциях, как правило, маркируются одинаково, причем как раз показателем датива:

- (12) Ритангу (Heath 1980: 105)
 a. ja:l-ti-ri=ra ŋaŋa-gu
 want-INCH-PRES=1SG food-DAT
 ‘I want [vegetable] food.’
 b. maŋgi=ŋi: ŋaŋa-gu
 knowledgeable=2SG food-DAT
 ‘You know about the (vegetable) food.’

2.2. Проспективные функции обнаруживаются у дативных форм, как правило, наряду с зависимыми употреблениями. Примеры

³ Глагол *gi:ga-* переводится как ‘tell to do’, ‘let do’ (Dixon 1981: 116), то есть дативная клауза здесь семантически явно выступает в качестве предикатного актанта.

приведены в (13)—(22). В (13) дативная форма выражает значение «чистого» проспектива, то есть наличия в описываемый момент признаков реализации в будущем некоторой ситуации. Близкими (хотя и более семантически «насыщенными», то есть связанными с большим количеством импликаций) являются значения интенционала («собираться») и деизидератива («хотеть»), представленные в (14)—(16).

(13) Дьяру (Tsunoda 1981: 86)

ɲaba wandi-wu
water fall-wu
'It is going to rain.'

(14) Варгамай (Dixon 1981: 53)

ɲayba gaga-lagu magul-gu
1SG:S go-lagu work-DAT
'I want to go for work.'

(15) Дьирбал (Dixon 1972: 69)

balan dugumbil miyanday-gu
II:ABS woman[ABS] laugh-gu

'Woman wants to laugh [i. e. something has happened to make her want to laugh, and she will have to restrain herself to avoid doing so].'

(16) Дьябугай (Patz 1991: 281)

ngawu ma:-lum bulmba
1SG:NOM make-lum camp:ABS
'I intend to build a camp.'

Обычно названные формы могут выражать также модальные значения долженствования и возможности (17)—(21).

(17) Дьяру (Tsunoda 1981: 86)

a. ɲajɲingu dagur jan-gu
3SG⁴ inside go-gu
'He will have to go inside [the jail].'

b. guɭari-lu gaŋ-gu ɲila
boy-ERG carry-gu that
'The boy can [i. e. is allowed to] carry that [boomerang].'

⁴ Статус *ɲajɲingu* (встречающегося, видимо, не во всех диалектах дьяру) не вполне ясен. Так или иначе, это слово не является свободным местоимением, так что в глоссах (17a) отмечена только его функция; см. обсуждение в Tsunoda 1981: 126.

- (18) Варгамай (Dixon 1981: 53, 30)
- a. *ɲinba wagun-da biɽba-lagu ɕulgaɽa-ŋga*
 2SG:S wood-LOC jump-*lagu* log-LOC
 ‘You’ll have to jump over the log.’
- b. *ɲuɽa banma-lagu wargamay-ɕa*
 3SG:ABS talk-*lagu* Wargamay-LOC
 ‘He can talk Wargamay.’
- (19) Дьирбал (Dixon 1972: 69)
- bayi yaɽa yanul-i*
 I:ABS man[ABS] go-*i*
 ‘Man has to go out (for some reason).’
- (20) Дьябугай (Patz 1991: 281)
- ngawu nyina-ynggum*
 1SG:NOM sit-*yinggum*
 ‘I had better sit down.’
- (21) Бидьяра / Гунгабула (Breen 1973: 94)
- mayarɽaga-ndu mambu ngu-na garda naga-a-lgu*
 woman-ERG corroboree[ABS] that-ACC NEG see-CONT-*lgu*
 ‘The women aren’t allowed to watch the corroboree.’
- Более того, употребленные вне контекста, такие формы могут иметь сразу несколько различных интерпретаций:
- (22) Ритангу (Heath 1980: 104)
- wa:n-i=ni:*
 go-*i*=2SG
 ‘Go!; You will go; You can go; You should go.’

Последний пример показывает, что именно данная группа функций, вероятнее всего, и дала возможность маркерам дативных форм развиться в показатели будущего времени — и далее в экспоненты хортатива и императива.

2.3. И м п л и к а т и в н а я функция (то есть указание на то, что ситуация является следствием другой ситуации) присутствует у дативных форм в гораздо меньшем количестве языков, нежели зависимые и проспективные функции; при этом, по-видимому, наличие у дативных форм этого значения, как правило, требует и присутствия у них функций, рассмотренных выше. Примеры:

- (23) Нариньери (Yallop 1975: 35)
- a. ngrakuwal-un-el-itj yrongumi:l-ura:m, ngolk-ura:m
 be.angry-PRES-AUX-3SG bark-*ura:m* bite-*ura:m*
 ‘He [the dog] is angry to the point of barking and biting.’
- b. tam-un-el-itj po:rn-ura:m
 burst-PRES-AUX-3SG die-*ura:m*
 ‘It [dynamite] explodes with the result that someone dies.’
- (24) Дьирбал (Dixon 1980: 458)
- balan jugumbil miyanda-nyu bangul yara-ŋgu bura-li
 II:ABS woman[ABS] laugh-PST I:ERG man-ERG see-*li*
 ‘The woman laughed and was (as a result) seen by the man.’
- (25) Варгамай (Dixon 1981: 70)
- ŋaŋa buŋmbi ŋuŋa // bandali-gu
 1SG:A throw 3SG:ABS burst-*gu*
 ‘I threw it [a bottle] down, so that [it] burst.’

Аналог и этой функции иногда встречается у именного датива, хотя это зафиксировано лишь для нескольких языков. Речь идет о введении посредством дательного падежа именной группы со значением (проявления) результата:

- (26) Арабана-вангангуру (Hercus 1976: 468)
- gumbari-gu biɖaira
 blood-DAT hit-PRES
 ‘He hits him so hard that he draws blood.’
- (27) Вангайбуван (Donaldson 1976: 476)
- a. bumbiyi ŋiyanuna ŋawar ɖabilgu
 blow:PST 1PL.EXCL:S pouch:ABS ball:DAT
 ‘We blew up the [kangaroo] pouch into a ball.’
- b. ga:wa: ŋayuŋa ɖara:ŋgu
 always drink:PRES drunk:DAT
 ‘[He] always drinks to [the point of] drunk[ness].’⁵

Наверное, именно имплицативная функция явилась источником для возникающего время от времени значения консекютива (‘затем’). По-

⁵ Несколько следует из описания, *ɖara:ŋgu* здесь является формой имени.

следний мог послужить отправной точкой для выражения дативными формами настоящего и нарративного прошедшего времени⁶; ср.:

- (28) Арабана-ванггангуру (Hercus 1976: 471)
yuga-ḷugu gaḷa-rugu ṅaṅwa-rugu ḍubi-rigu Guṛiyaba-rugu
go-ḷugu creek-ALL salty-ALL lake-ALL Guriyaba-ALL
'And so he went on to the salty creek, to the lake named Cooreeappa.'

3. Проблемы грамматического развития дативных форм

Согласно распространенному мнению, в качестве исходной функции для глагольных дативных форм выступала целевая, а все остальные функции, перечисленные выше, были приобретены этими формами позднее (ср., например, общепринятое название дативных форм — *Purposive*). Но эта точка зрения — не единственно возможная.

Даже если принять первичность приименных употреблений дативных показателей, отсутствуют достаточные аргументы в пользу того, что функция маркирования предикатных актантов развилась у дативных показателей позже целевой. Обычно дативные показатели оформляют как именные, так и глагольные дополнения соответствующих предикатов, а значит, при простом «переносе» дативных значений на ситуации эта функция могла возникнуть независимо.

Тот же аргумент применим и к функции выражения следствия — теоретически ничто не мешало бы развиться этой функции независимо от целевой, основываясь исключительно на «результативном» употреблении именного датива (26)—(27). Но некоторые факты говорят против этого. Во-первых, имплицативная функция зафиксирована отнюдь не для всех языков с результативной функцией датива у имен. Взять хотя

⁶ Согласно гипотезе, высказанной в Dench 2003, в некоторых языках Западной Австралии источником для значения настоящего времени у дативных форм стали перспективные употребления дативных форм — но некоторые из приведенных Денчем примеров указывают также на изначальную возможность консеквативного прочтения. Надо сказать, однако, что в ряде языков Австралии (например в дьинанг) засвидетельствовано и распространение сферы употребления показателей будущего времени на контексты прошедшего и настоящего времени.

бы два таких языка, упомянутых выше: в то время, как в арабана-вангангуру глагольные дативные формы задействованы при выражении нарративного прошедшего времени (28), которое, вполне возможно, возникло именно из консекутивных функций⁷, в вангайбуван такая функция у дативных форм, по-видимому, отсутствует. Во-вторых, имплицативная функция, как правило, присутствует вместе с проспективными и зависимыми, хотя обратное неверно — что, скорее всего, указывает на ее вторичность. Исходя из семантики имплицативных форм, можно предположить, что источником для этой функции явились целевые употребления.

Сложнее обстоит дело с историей проспективных функций. В ряде исследований утверждается, что проспективные предложения возникают в результате эллипсиса некоего главного глагола (см., например, Blake 1994: 184). Однако об эллипсисе можно говорить (в зависимости от трактовки) либо как о явлении нерегулярном, либо как о явлении регулярном, но подчиняющемся четким правилам «восстановления» содержания опущенной позиции. Ни то, ни другое не верно для проспективных форм: независимые проспективные употребления достаточно регулярны, но с точки зрения семантики, достаточно многозначны.

В итоге, вопрос об исходности или производности проспективных форм остается нерешенным. Несколько фактов могут оказаться релевантными в этом отношении:

(i) Для малого количества языков выборки, имеющих целевые употребления, какие-либо упоминания о проспективных функциях отсутствуют, что может свидетельствовать в пользу первичности зависимых функций. Впрочем, в свете явной недостаточности данных о множестве уже исчезнувших австралийских языков можно предположить, что иногда проспективные функции могли быть просто упущены.

Кроме того, в выборке есть один язык, гидабал, в котором дативные формы имеют проспективные употребления (29а), но, по всей видимости, не обладают зависимыми употреблениями. Функции, связанные с последними, здесь выполняют так называемые «субъюнктивные» формы⁸

⁷ Ср. следующее замечание автора описания: «Это историческое прошедшее время не оторвано целиком от целевой семантики: оно часто передает результат, продление (protraction) прошлых событий» (Hercus 1976: 471).

⁸ Следуя русской традиции, данные формы правильнее было бы называть «конъюнктивными».

на *-ya*; см. (29b), которые, кстати говоря, используются и независимо: так, субъюнктивная форма глагола ‘преследовать’ *ga:da-ya*: в грамматике Geytenbeek, Geytenbeek 1971: 24 переводится как ‘должен преследовать; чтобы преследовать’ (‘should chase, in order to chase’). Правда, суффикс *-ya* (и его когнаты) во многих других языках пама-ньюнга является лишь алломорфом показателя глагольной дативной формы (Blake 1976), и исторические отношения между ним и суффиксами типа дативного *-gi* остаются загадкой.

(29) Гидабал (Geytenbeek, Geytenbeek 1971: 14, 48)

- a. njule gawaŋi-:-gu
 3SG run-VBD-*gu*
 ‘He intended / intends to run.’
- b. baygal ye:-ni balun-gu djali galga-li-ya:
 man go-AOR creek-DAT tree chop-IMF-SUBJ
 ‘The man went to the creek to chop trees.’

(ii) В некоторых языках дативные формы с зависимыми употреблениями оказываются морфологически более сложными, чем независимые дативные формы; ср. примеры (30a) и (30b) из дьинанг. Это могло бы указывать на производность зависимых употреблений, но учитывая то, что функции «дополнительных» морфем в зависимых дативных формах недостаточно прояснены, такой вывод делать еще рано.

(30) Дьинанг (Waters 1989: 67, 59)

- a. djan ra-gili=ban ngurri-nyir-gi=ban
 3PL:NOM enter-RPST=TF lie.down-VBD-*gi*=TF
 ‘They entered (the hut) then in order to sleep.’
- b. ingki limila=nydji=n millirpi-gi
 NEG 1PL.INCL:DAT=RFL⁹=3PL:ERG show-*gi*
 ‘They (totemic spirits) will not show themselves to us.’

(iii) С точки зрения семантики, ситуации, направленные на достижение цели, могут предполагать, например, возможность ситуаций, выражаемых зависимыми предикациями; ср. пример (31), призванный в Douglas 1981 проиллюстрировать как раз целевые конструкции. Теоре-

⁹ Хотя в предложении (30b) частица *=nydji* выполняет функции рефлексивного показателя, функции этого показателя в дьинанг куда обширнее (хотя и связаны в целом с понижающей актантной деривацией).

тически возможным было бы, скажем, переосмысление дативного показателя в качестве маркера как раз такого модального значения, приведшее в дальнейшем к возникновению проспективных функций. Правда, и сужение проспективного значения за счет контекста целевых конструкций тоже было бы не так удивительно, так что данные рассуждения также вряд ли могут о чем-либо говорить.

- (31) Ватъяри (Douglas 1981: 240)
njinta	ngura-ngka	njina-ma	ngatja	yana-ku	kuka-ku
2SG	camp-LOC	sit-IMF.IMV	1SG	go-ku	meat-PURP
- ‘You remain in camp so I can go out for meat.’

(iv) Последние соображения опять же вынуждены основываться на европоцентричном представлении о падеже. Поскольку у приименного датива имеются функции, аналогичные зависимым глагольным, но нет функций, подобных проспективным, более простая модель развития предполагает вторичность проспективных употреблений.

Итак, в то время, как имплицативные употребления дативных форм могут быть признаны производными, вопрос о первичности зависимых или целевых функций не решаем без ряда сомнительных допущений. При этом любое решение этого вопроса столкнется еще и с проблемой границы между зависимыми и независимыми употреблениями. Ей и посвящен следующий раздел.

4. Синтаксические характеристики дативных форм

До сих пор зависимые употребления дативных форм жестко противопоставлялись всем другим, что могло связываться с синтаксическими характеристиками. На самом деле, для многих языков пама-ньюнга с уверенностью можно утверждать что-либо только о семантической зависимости — понижении семантической автономности предикации за счет установления семантического отношения с другой предикацией¹⁰. В этом смысле можно говорить и о разной степени семантической зависимости, то есть о том, насколько восстановимо это семантическое отношение, насколько возможна и / или правильна автономная интерпре-

¹⁰ Во избежание терминологической путаницы далее будут разграничиваться семантическая *зависимость* и синтаксическая *подчиненность*.

тация предикации и т. д. Так, например, кажется, что предикатные актанты более зависимы, нежели сирконстантные предикации, которые, в свою очередь, более зависимы, чем имплицативные, а те — чем проспективные предикации.

Что касается формальных синтаксических свойств, то оказывается, дативные клаузы даже в их зависимых употреблениях зачастую не обнаруживают свойства подчиненности. Рассмотрим сначала такие часто обнаруживаемые характеристики синтаксически подчиненных клауз, как инфинитивность вершины, ограничение на выражение и референтность некоторых актантов (чаще всего подлежащего) и особенности оформления актантов (ср., например, Подлеская 1993 и приведенную там литературу).

Параметр финитности, сам по себе довольно проблематичный (см., например, Калинина 2001), с трудом применим к дативным формам (см. раздел 1). В частности, если считать одним из признаков финитности наличие показателей, интерпретируемых в качестве временных, то многие дативные формы могут интерпретироваться как нефинитные, поскольку в них такие показатели изначально отсутствуют. Тем не менее, в некоторых языках и темпоральные маркеры могут присоединяться напрямую к дативным формам. Ср., например, (32a) из бидьяра и гунгабула, где к дативной форме присоединен показатель прошедшего времени¹¹; обычное проспективное употребление иллюстрируется в (32b), где какой-либо темпоральный показатель отсутствует (заметим, что показатель настоящего времени здесь ненулевой), так что эта форма могла бы пониматься как нефинитная — тем не менее, оказывается, что ее функ-

¹¹ Любопытно, что в близкородственном маргань аналогичная форма с показателем прошедшего времени встречается в зависимой части контрфактической конструкции:

- (i) yurin^yd^ya inda waba-ngu-la / inda ɲa:la ɲat^yu mayada
yesterday 2SG go-*ngu*-PST 2SG see:PST 1SG:GEN sister
'If you had come here yesterday you would have seen my sister.' (Breen 1981: 317)

Такое употребление объяснимо прагматически. Если намерение выполнено, то более информативным является сообщение о факте его выполнения, нежели о самом намерении. Соответственно, сообщение о намерении в прошлом может имплицировать его невыполненность. Отсюда прямой путь к контрфактическим ситуациям.

ционирование в качестве обычного сказуемого выглядит вполне нормально:

(32) Бидьяра / гунгабула (Breen 1973: 94, 93)

a. ngaya wuga wuna-lgu-wu-la
1SG:NOM asleep lie.down-lgu-CONT-PST
'I was just going to have a sleep (when you came).'

b. ngali gundu wadya-a-lgu
1DU:NOM away go-CONT-lgu
'We're going away now.'

Одновременно с этим, как уже упоминалось выше, некоторые дативные формы, имеющие исключительно зависимые употребления, могут содержать показатель, идентичный модальному или временному — зачастую в отличие от своих когнатов, употребляемых независимо. Это, очевидно, идет вразрез с традиционной концепцией финитности, которая, впрочем, может и не иметь универсальной значимости (ср. Cristofaro to appear).

Какие-либо жесткие требования кореферентности актантов дативной клаузы с актантами другого предложения по преимуществу отсутствуют. В некоторых языках такие ограничения возникают при эллипсисе одного из актантов дативной клаузы в зависимом употреблении (см., например, Naviland 1979: 135—137 о гугу-йимидир), но поскольку такое опущение не обязательно, навряд ли это связано с синтаксической подчиненностью¹².

Правда, формальные ограничения на кореферентность имеются в тех языках, где полипредикативные конструкции развили систему переключения референции (см. обзор в Austin 1981). Дативные формы зачастую предстают в качестве вершин клауз с «другим подлежащим» (different subject), что, кстати, говорит в пользу большой семантической автономности «зависимых» дативных предикаций. Такова, например, ситуация в питьянтьятъяра (см. также Platt 1976: 428—429; Austin 1981: 321); ср. пример (33), демонстрирующий «разносубъектную» интерпретацию даже в предложении, где субъект дативной клаузы не выражен вовсе:

¹² В целом, возможность опущения актантов в любом предложении — одна из важнейших характеристик австралийских языков; см. Hale 1983.

- (33) Питьянтъятъяра (Glass, Hackett 1970: 25)
 ka mama-lu watja-nu mimi ninti-l-tjaku
 and father-ERG say-PST milk[ABS] give-PUNCT1-tjaku
 ‘And the father told (the mother) to give it milk.’

Что касается оформления актантов, то, как свидетельствуют, например, (4a), (5a), (6), (7), (16), (21), (29b) и (31), весьма часто оно не отличается от обычного ни в «зависимых», ни в независимых дативных клаузах. Иногда, тем не менее, отмечается неканоническое оформление дополнения дативной формы показателем дательного или эргативного / инструментального падежа, но это обычно не связано с подчиненностью клаузы¹³:

- (34) Варгамай (Dixon 1981: 66, 71)
- a. ηali biya-ηgu / biya-gu ɣanŋa-lagu
 1DU:NOM beer-ERG / beer-DAT drink-lagu
 ‘We want to drink beer.’
- b. ηayba gaga-y ɣanŋa-lagu biya-ηgu / biya-gu
 1SG:S go-UNM drink-lagu beer-ERG / beer-DAT
 ‘I went to have a drink of beer.’

На самом деле, нет никаких причин, по которым дативные формы не могли бы иметь модель управления, отличную от более «центральных» модально-темпоральных форм переходных глаголов (типа настоящего времени). Поскольку типичные употребления дативных форм переходных глаголов семантически отклоняются — например в том, что касается неактуализованности — от прототипа транзитивности (см. Nopper, Thompson 1980), они могут терять некоторые синтаксические характеристики переходных глаголов. Таким образом, «неканоническое» оформление актантов здесь может быть обусловлено не столько общим синтаксическим контекстом (но см. обсуждение данных ритангу ниже), сколько семантическими факторами.

Возможная вложенность или «ненормальное» (например, неканоничное) расположение предикации также являются свидетельством подчинения. Стандартная позиция зависимой дативной клаузы вполне

¹³ Для независимой предикации типа (34a) Р. Диксон дает также вариант с абсолютным дополнением *ηali biya ɣanŋalagu*, хотя, возможно, это предложение было приведено лишь в качестве «исходной структуры».

иконична (в том, что касается временной последовательности ситуаций) — вправо от главного предложения. Впрочем, существуют и примеры, где это правило нарушается — очевидно, также выявляя большую грамматикализованность подчинения:

- (35) Гугада (Austin 1981: 321)¹⁴
marlinynga pala maa par-ntaku yanung.
younger.brother:ABS that food:ABS cook-ntaku go:PST
'That younger brother went off to cook food.'
- (36) Питьянтъятяра (Platt 1976: 428)
wati ŋura-kutu ankun-tjaku ŋuluriŋanyi
man[ABS] camp-ALL go-tjaku fears
'The man fears / is afraid to go to camp.'

Видимо, «нарушение» расположения предикации наиболее типично тогда, когда она играет роль сентенциального актанта. И это предсказуемо: у наиболее семантически зависимых предикаций, конечно, больше шансов быть синтаксически подчиненными.

Впрочем, даже упомянутые ограничения предположительно представляют собой инновации. В немалом количестве языков морфологически более простые дативные формы даются как в зависимых, так и в независимых функциях без видимых признаков подчинения. Напротив, те формы, что ограничены семантически зависимыми и синтаксически подчиненными употреблениями, оказываются морфологически более сложными, то есть вторичными. Показательна в этом отношении ситуация в ритангу, где имеются дативные инфинитивы, показывающие только зависимое употребление (см. (10) выше и (37a) ниже) и обладающие рядом свойств подчиненных форм (например, в (37a) прямое дополнение инфинитива оформлено генитивным суффиксом — вопреки тому, что ожидалось бы в независимом предложении). Наряду с инфинитивами, в ритангу наличествуют формы будущего времени, также образуемые показателем, восходящим к дативному (или же алломорфом этого показателя). Эти формы свободно используются не только в независимых, но и в зависимых функциях; ср. (37b) с

¹⁴ Пример приводится в транскрипции, используемой в Austin 1981, которая отличается от транскрипции, принятой в оригинальной грамматике Platt 1972.

(37a)¹⁵ и (37c) с (10). Для нас существенно, что инфинитивные маркеры *-rawu* имеют (диахронически) более сложную морфологическую структуру, чем показатели будущего времени: исходно инфинитивные маркеры представляли собой последовательность «субстантиватора», некоторого «аугмента» и дативного маркера. Соответственно, можно полагать, что инфинитивы — инновации по сравнению с формами будущего времени.

(37) Ритангу (Heath 1980: 104—105)

- a. wa:ni-na=ra ɲan-ɲu la-n-ɾawu
 go-PST=1SG 3SG-GEN spear-AUG-*rawu*
 ‘I went in order to spear him.’
- b. wa:n-i=nu=ra la-n-ɲu=ña=ra
 go-i=now=1SG spear-AUG-*ɲu*=3SG:ACC=1SG
 ‘I am going now, in order to spear him.’
 ‘I am going now. I will spear him.’
- c. maŋgi=ɲi: waŋ-i=ɲi: ɾiɾaŋu-ɲuɾu?
 knowlledgeable=2SG speak-i=2SG Ritharngu-ABL
 ‘You know how to speak Ritharngu.’

Итак, не существует явных причин считать, что дативные клаузы изначально были подчиненными. Но каким же образом они могли приобрести столь ярко выраженные зависимые употребления?

Синтаксическое подчинение вообще — результат грамматикализации семантической зависимости, заключающийся в наложении формальных ограничений на конструкцию (в том числе ограничений на форму компонентов конструкции, их референциальные характеристики и т. д.). В нашем случае можно допустить, что при формировании функ-

¹⁵ На самом деле, здесь более точной параллелью к предложению с инфинитивом была бы конструкция (i) с «главным» глаголом в прошедшем времени и с формой «потенциалиса прошедшего времени» вместо будущего времени. «Потенциалис прошедшего времени» по сути является «будущим в прошедшем»; в подавляющем большинстве форм его показатели образованы от маркеров будущего времени.

- (i) wa:ni-na=ra la-n-ɲuwa=ña=ra
 go-PST=1SG spear-AUG-*ɲuwa*=3SG:ACC=1SG
 ‘I went, in order to spear him.’ (Heath 1980: 104)

ций дативных клауз грамматикализация такого рода еще не произошла (хотя это не мешало ей состояться позднее, например в ритангу).

Действительно, во множестве австралийских языков отсутствует ряд характеристик, присущих подчинению в европейском смысле (в литературе данное явление известно под именем *неконфигурациональность*; см., например, Hale 1983; Heath 1986; Austin, Bresnan 1996). И, в частности, (семантически) зависимые клаузы здесь нередко обладают некоторыми свойствами синтаксически независимых (Hale 1976b). Возможно, это и явилось главной посылкой для развития полифункциональности у дативных форм. В силу неграмматизованности синтаксического подчинения семантическая (не)зависимость дативных клауз, скорее всего, была не определена. В результате, дативные формы могли выполнять разные семантические функции — как зависимые, так и независимые. Одним из следствий этого является то, что вопрос о первичности и вторичности проспективных и зависимых употреблений оказывается, вообще говоря, лишеным смысла.

5. Полифункциональность дативных форм и ситуационная референция

Следующий шаг в объяснении рассматриваемой полифункциональности связан с вопросом о семантических отношениях между разными функциями дативных форм. Гипотеза, предлагаемая ниже, связывает эти отношения с понятием ситуационной референции — аналогом референции именных групп на уровне клауз.

Далее нас будет интересовать, главным образом, противопоставление референтного и нереферентного статусов. В качестве исходной рабочей модели мы примем теорию, согласно которой нереферентные компоненты высказывания указывают на предикатные константы (*properties*) (ср. Van Geenhoven 1998): например, в предложении *Я поел картошки* объектная именная группа указывает лишь на предикатную константу **быть-картошкой**, но не на сам объект действия. Референтные компоненты высказывания, в свою очередь, указывают на конкретные сущности, принадлежащие универсуму дискурса.

Нереферентные употребления, далее, могут подразделяться на два типа (ср. Van Geenhoven, McNally to appear). В первом случае существование того, что характеризуется называемыми предикатными константа-

ми, всё-таки постулируется основным предикатом — так, в приведенном выше предложении наличие картошки имплицитруется формой *поел*. Во втором случае это не так: например, в предложении *Я хочу картошки* о существовании картошки в момент речи ничего не утверждается.

Такая концепция применима и для предложений. Так, референтные предложения вводят в универсум дискурса конкретные новые ситуации, в то время как нереферентные предложения указывают лишь на предикатные константы, призванные характеризовать ситуации. Например, клауза *Я выступил против этого* может считаться референтной, а клауза *выступить против этого* в *Я мог выступить против этого* является нереферентной, она указывает только на характеристику класса действий. Точно такой же эффект имеет и второе противопоставление: в каузативных предложениях типа *Я умудрился выступить против этого* подчиненная клауза (даже будучи нереферентной) выражает ситуацию, существование которой имплицитруется, — что неверно для аналогичной клаузы в *Я попросил его выступить против этого*.

Зависимые и проспективные клаузы, очевидно, нереферентны, так как сами они не имплицитруют существования выражаемых ими ситуаций. Очевидно, глагольные дативные формы вообще первоначально требовали нереферентности возглавляемой ими клаузы — и в некоторых языках, где у этих форм имеются только зависимые и проспективные употребления, такая ситуация сохранилась до сих пор.

Более того, существование ситуаций, выражаемых дативными клаузами, почти никогда не определяется «извне»: ни в целевых полипредикациях, ни в конструкциях с предикатными актантами, ни в конструкциях следствия, ни при проспективных употреблениях дативных форм¹⁶. Возможно, указание на отсутствие импликации существования исходно вообще являлось одной из функций дативного показателя. На это указывает то, что и для именных групп дативное маркирование в основном встречается при отсутствии импликации существования со стороны вершинного предиката. Кроме того, в случае последних такая

¹⁶ Справедливости ради, надо отметить пример из валпири, для которого это утверждение неверно: *Yula-nja-ku jati-jarri-ja* (cгу-VBD-ku start-INCH-PST) ‘She burst into tears’ (Simpson 1988: 212). При этом следует отметить, во-первых, явно маркированный для конструкций с дативными клаузами порядок с предшествованием подчиненной предикации, и во-вторых, тот факт, что главный глагол *jati-* здесь основан на заимствовании из английского языка (то есть возможно, что и вся конструкция отчасти строилась по правилам английского языка).

трактовка получает дополнительную поддержку: в ряде языков пама-ньюнга дативом или когнатом дативного суффикса оформляется именная группа, выступающая в качестве прямого дополнения — когда вся ситуация является нереализованной на момент высказывания и, следовательно, не предполагает обязательного существования объекта¹⁷. Ср. примеры (38) из пита-пита¹⁸:

(38) Пита-пита (Blake 1976: 423)

- a. kana-lu matjumpa-ṅa piṭi-ka
man-ERG kangaroo-ACC kill-PST
'The man killed a kangaroo.'
- b. kana-ṅu matjumpa-ku piṭi
man-ERG:FUT kangaroo-ACC:FUT kill[FUT]
'The man will kill a kangaroo.'

Поскольку нереферентные клаузы указывают на константы (существование которых полагается заведомо известным), для того чтобы включающие их высказывания стали информативными, необходимо каким-либо образом связать их значение с другими предикациями. Это легко осуществить там, где нереферентные клаузы могут быть осмыслены как компоненты единой полипредикативной конструкции, как в (39):

(39) Дьирбал (Dixon 1972: 68)

- ṅada dṅgali-ṅu bili-gu
1SG:A run-NFUT climb-gu
'I am running [to a tree] to climb [it].'

¹⁷ В свете этого новое объяснение получает и неканоническое маркирование объектов в дативных клаузах при их зависимых или проспективных употреблении. Во всех имеющихся у автора примерах с таким оформлением действие, выражаемое этими предикациями, нереализовано.

¹⁸ Суффикс *-ku* в пита-пита оформляет прямые дополнения в будущем времени, а также дополнения некоторых глаголов из разряда тех, что во многих других языках пама-ньюнга управляют дативом. При выражении бенефактора и объекта цели здесь выступает другой показатель — *-ṅa*, и он же (в сочетании с некоторыми дополнительными компонентами) используется и в целевых клаузных конструкциях (детали см. в Blake, Vreen 1971 и Blake 1979, трактовки которых, правда, несколько различаются). Тем не менее, материал пита-пита подтверждает гипотезу об исходных специальных референциальных характеристиках дативных именных групп.

Но когда нереферентные клаузы оказываются семантически независимыми, связывающий нереферентную предикацию оператор должен быть каким-либо образом восстановлен. Естественно, что для этого выбираются самые общие (то есть наиболее восстанавливаемые) семантические предикаты, которые, к тому же, не должны имплицировать существование соответствующей предикации. Результатом являются проспективные интерпретации вроде той, что имеется у (40). Такая трактовка, между прочим, объясняет и возможную многозначность дативных форм (ср. (22) выше): для связывания нереферентных клауз не существует единого (или дефолтного) семантического оператора.

- (40) Дьирбал (Dixon 1972: 68)
 balan dugumbil miyanday-gu
 I:ABS woman[ABS] laugh-gu
 ‘Woman wants to laugh [i. e. something has happened to make her want to laugh, and she will have to restrain herself to avoid doing so].’

Имплицативные употребления появляются лишь там, где у дативных клауз появляется возможность референтной интерпретации: например, в (41) вторая предикация указывает на вполне конкретную ситуацию. Значение следствия, по всей видимости, унаследовано от целевых употреблений.

- (41) Дьирбал (Dixon 1972: 369)
 arda bangul burubay dulma-n // bayi jalŋga
 PRT I:ERG boil[ABS] squeeze-NFUT I:ABS child[NOM]
 mayi-yaray-gu
 come.out-INCH-gu
 ‘The boil was squeezed by him, with the result that a mail child came out.’

Таким образом, все три рассматриваемых типа употреблений дативных форм могут быть сведены к ситуационной референтности. При этом исходными для рассматриваемых образований, думается, были всё же нереферентные употребления.

Конечно, употребления дативных форм даже только в зависимых и проспективных функциях нельзя свести к одной нереферентности. Например, нереферентные контрфактические контексты в пама-ньюнга обычно требуют использования других форм (в грамма-

тиках довольно часто именуемых ирреалистскими)¹⁹. Вне сферы употреблений дативных форм, как правило, остаются и так называемые «ап-рехензивные» контексты со значением ‘X, а не то Q’, для которых в этих языках тоже нередко имеются особые глагольные формы. Тем не менее, весьма вероятно, что по отношению к этим своим «конкурентам» дативные формы выступают как немаркированные (в частности, не содержащие негативного семантического оттенка, присущего упомянутым формам).

6. Вместо заключения: ситуационная референтность и (ир)реальность

Согласно высказанному здесь предположению, полифункциональность дативных форм глагола в языках пама-ньюнга была определена, во-первых, синтаксическими характеристиками этих языков, а во-вторых, семантическим (и / или прагматическим) параметром ситуационной референтности.

При этом наблюдаемая ситуация коррелирует со многими явлениями, традиционно связываемыми с противопоставлением реальности и ирреальности. Функции дативных форм, которые соотносятся с нереферентными употреблениями, как правило, трактуются как ирреальные — в отличие от функций, соотносимых с референтными употреблениями. Можно предположить, что граница между реальностью и ирреальностью проходит именно здесь: реальные ситуации соответствуют референтным предложениям, а ирреальные — неререферентным. В итоге, семантическая категория ирреальности выводится из необходимых функциональных свойств языка, к которым, несомненно, относятся референциальные механизмы²⁰. К тому же, границы этой категории вполне эксплицитно очерчены.

¹⁹ Но неконтрафактические условные конструкции (там, где они достаточно грамматикализованы) в языках пама-ньюнга часто допускают употребление дативных форм.

²⁰ Связь (ир)реальности и референции время от времени отмечается в литературе, хотя обычно это ограничивается одним ее упоминанием. Автору известна лишь одна работа по ирреальной категории, в которой эта тема достаточно развита. Речь идет о статье Baker, Travis 1997, где предпринята попытка описать через понятие референтности значение одного из «наклонений» языка могавак.

При этом такое решение отвечает и общим представлениям о том, что относится к реальным значениям, а что нет. Возьмем, например, известный тезис о том, что в отличие от ирреальных ситуаций, реальные ситуации являются актуализованными. Это вытекает из того, что обозначающие их предикации являются референтными. Но подход, связанный с параметром референтности, позволяет предсказать и явления, для прояснения которых одного понятия актуализованности (которое, кстати, в этой перспективе оказывается излишним) недостаточно. Например:

(i) Фактически, основным признаком ирреального значения является то, что оно должно быть связано каким-либо оператором (в частном случае другой предикацией)²¹. Именно это объясняет, в частности, включение в ирреальную зону значений типа хабитуальности (когда не-референтное употребление связано генерическим квантором; ср. Krifka et al. 1995; Татевосов 2004) или негативной полярности²².

(ii) Естественно ожидать, что семантическая зависимость будет проявляться и в синтаксисе, приводя к тенденции включения ирреальных клауз в полипредикативные конструкции. Видимо, это действительно так — что показывает, например, исключительная роль условных конструкций при выражении ирреальности.

(iii) В то же время, независимые употребления ирреальных высказываний, как было показано выше, поднимают проблему восстановимости связывающего оператора или (семантического) предиката. В этой связи заслуживает внимания то, что независимые употребления дативных форм в языках пама-ньюнга и, скажем, глагольных форм, используемых в других языках в контрфактических высказываниях (см., например, Добрушина 2004), оказываются весьма сходными в том, что касается их значений.

(iv) Как и в случае референции именных групп, при ситуационной референции возможны ситуации, когда референтности препятст-

²¹ Как следствие, оказывается невозможным говорить, например, об отдельных «функторах» реальности или ирреальности, как это делается, например, в Касевич, Храковский 1983.

²² Под «включением в ирреальную зону» здесь понимается тенденция к единообразному оформлению группы значений, ассоциируемых с ирреальностью, или к сходству грамматических характеристик форм, выражающих данные значения.

вует недостаточная индивидуализованность денотата. В именной сфере в качестве типичного примера такого явления выступает поведение вещественных имен. На уровне клауз их аналогами, очевидно, являются выражения, указывающие на имперфективные ситуации (см., например, Bach 1986). И действительно, имперфект во многих языках непосредственно связан с выражением ирреальных ситуаций (Fleischman 1995).

Таким образом, отождествление ирреальности и ситуационной нереперентности позволяет связать множество явлений, на первый взгляд достаточно обособленных. Собственно говоря, именно наличие подобной связи и оправдывает выделение грамматически релевантной категории (ир)реальности ситуации.

Условные обозначения

1, 2, 3	1-е, 2-е, 3-е лицо	NEG	отрицание
I, II	именные классы	NFUT	небудущее время
A	субъект переходной предикации	NOM	номинатив
ABL	аблатив	PL	множественное число
ABS	абсолютив	PRES	настоящее время
ACC	аккузатив	PST	прошедшее время
ALL	аллатив	PUNCT	пунктив
AOR	аорист	PURP	целевой падеж
AUG	«аугмент»	RFL	рефлексив
AUX	вспомогательная морфема	RPST	недавнее прошедшее время
CONT	континуатив	S	субъект непереходной предикации
DAT	датив	SG	единственное число
DU	двойственное число	SUBJ	субъюнктив
ERG	эргатив	TF	темпоральный фокус
EXCL	эксклюзив	TOP	топиализатор
FUT	будущее время	TPI	«ирреалис близкого прошедшего времени» (“today past irrealis”)
GEN	генитив		
IMF	имперфект	UNM	немаркированное время / аспект
IMV	императив		
INCH	инхоатив	VBD	вербоидный показатель («субстантиватор»)
INCL	инклюзив		
LOC	локатив		

Литература

- Добрушина Н. Р. 2004. О некоторых корреляциях между зависимым и независимым употреблением ирреальных форм // *Наст. сб.*
- Калинина Е. Ю. 2001. *Нефинитные сказуемые в независимом предложении*. М.: ИМЛИ РАН.
- Касевич В. Б., Храковский В. С. 1985. От пропозиции к семантике предложения // В. С. Храковский (отв. ред.). *Типология конструкций с предикатными актантами*. Л.: Наука, 9—17.
- Подлесская В. И. 1993. *Сложное предложение в современном японском языке: Материалы к типологии полипредикативности*. М.: ИВ РАН.
- Татевосов С. Г. 2004. *Есть — бывает — будет: на пути грамматикализации* // *Наст. сб.*
- Austin P. 1981. Switch-reference in Australia // *Language* 57 (2), 309—334.
- Austin P., Bresnan J. 1996. Non-configurationality in Australian aboriginal languages // *Natural Language and Linguistic Theory* 14 (2), 215—268.
- Bach E. 1986. The algebra of events // *Linguistics and Philosophy* 9 (1), 5—16.
- Baker M., Travis L. 1997. Mood as verbal definiteness in a “tenseless” language // *Natural Language Semantics* 5 (3), 213—269.
- Blake B. J. 1976. [Topic C: The bivalent suffix *-ku*:] Rapporteur’s introduction and summary // Dixon (ed.) 1976, 421—424.
- Blake B. J. 1979. Pitta-Pitta // Dixon, Blake (eds.) 1979, 183—242.
- Blake B. J. 1987. *Australian Aboriginal Grammar*. London: Croom Helm.
- Blake B. J. 1994. *Case*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Blake B. J., Breen J. G. 1971. *The Pitta-Pitta Dialects*. Melbourne: Monash University.
- Breen J. G. 1973. *Bidyara and Gungabula Grammar and Vocabulary*. Melbourne: Monash University.
- Breen J. G. 1981. Margany and Gunya // Dixon, Blake (eds.) 1981, 275—393.
- Breen G. 1990. *Salvage Studies of Western Queensland Aboriginal Languages*. (*Pacific Linguistics*. B-105.) Canberra: The Australian National University.
- Cristofaro S. To appear. Finiteness in a functional-typological perspective // I. Nikolaeva, F. Plank (eds.). *All Over the Clause: Finiteness*. Oxford: Oxford University Press.
- Crowley T. 1981. The Mpakwithi dialect of Anguthimri // Dixon, Blake (eds.) 1981, 147—194.
- Dench A. 2003. From Purposive / Future to Present: Shifting temporal categories in the Pilbara languages of north west western Australia // B. J. Blake, K. Burridge (eds.). *Historical Linguistics 2001*. Amsterdam: Benjamins, 87—103.
- Dench A., Evans N. 1988. Multiple case-marking in Australian languages // *Australian Journal of Linguistics* 8 (1), 1—47.

- Dixon R. M. W. 1972. *The Dyirbal Language of North Queensland*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dixon R. M. W. 1980. *The Languages of Australia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dixon R. M. W. 1981. Wargamay // Dixon, Blake (eds.) 1981, 1—144.
- Dixon R. M. W. (ed.). 1976. *Grammatical Categories in Australian Languages*. Canberra: AIAS.
- Dixon R. M. W., Blake B. J. (eds.) 1979. *Handbook of Australian Languages*. Vol. 1. Canberra: The Australian National University Press.
- Dixon R. M. W., Blake B. J. (eds.) 1981. *Handbook of Australian Languages*. Vol. 2. Canberra: The Australian National University Press.
- Dixon R. M. W., Blake B. J. (eds.) 1991. *Handbook of Australian Languages*. Vol. 4. Oxford: Oxford University Press.
- Donaldson T. 1976. [Topic C: The bivalent suffix *-ku:*] Wangaybuwan // Dixon (ed.) 1976, 475—482.
- Douglas W. H. 1981. Watjarri // Dixon, Blake (eds.) 1981, 197—272.
- Eades D. 1979. Gumbaynggir // Dixon, Blake (eds.) 1979, 245—361.
- Fleischman S. 1995. Imperfective and irrealis // J. Bybee, S. Fleischman (eds.). *Modality in Grammar and Discourse*. Amsterdam: Benjamins, 519—551.
- Geytenbeek B., Geytenbeek H. 1971. *Gidabal Grammar and Dictionary*. Canberra: AIAS.
- Glass A., Hackett D. 1970. *Pitjantjatjara Grammar: A Tagmemic View of the Ngaaytjara (Warburton Ranges) Dialect*. Canberra: AIAS.
- Hale K. 1976a. T^ya'pukay (Djaabugay) // P. Sutton (ed.). *Languages of Cape York*. Canberra: AIAS, 236—242.
- Hale K. 1976b. The adjoined relative clause in Australia // Dixon (ed.) 1976, 78—105.
- Hale K. 1983. Warlpiri and the grammar of non-configurational languages // *Natural Language and Linguistic Theory* 1 (1), 5—47.
- Haviland J. 1979. Guugu Yimidhirr // Dixon, Blake (eds.) 1979, 27—180.
- Heath J. 1976. [Topic C: The bivalent suffix *-ku:*] Nunggubuyu and Ritharngu // Dixon (ed.) 1976, 444—450.
- Heath J. 1980. *Basic Materials in Ritharngu: Grammar, Texts, and Dictionary*. (*Pacific Linguistics*. B-62.) Canberra: The Australian National University.
- Heath J. 1986. Syntactic and lexical aspects of nonconfigurationality in Nunggubuyu (Australia) // *Natural Language and Linguistic Theory* 3 (3), 375—408.
- Hercus L. A. 1976. [Topic C: The bivalent suffix *-ku:*] Arabana-Wangganguru // Dixon (ed.) 1976, 467—471.
- Hopper P., Thompson S. A. 1980. Transitivity in grammar and discourse // *Language* 56 (2), 251—299.
- Krifka M., Pelletier F. J., Carlson G. N., ter Meulen A., Chierchia G., Link G. 1995. Genericity: An introduction // G. N. Carlson, F. J. Pelletier (eds.). *The Generic Book*. Chicago: The University of Chicago Press, 1—124.

- Laughren M. 2001. The Complex Genitive Construction in Northern Pama-Nyungan Languages. Ms.
- Nordlinger R. 2002. Non-finite subordinate verbs in Australian Aboriginal languages: Are nominalised verbs really nominalised? // C. Allen (ed.). *Proceedings of the 2001 Conference of the Australian Linguistic Society*. [<http://linguistics.anu.edu.au/ALS2001/proceedings.html>]
- Patz E. 1991. Djabugay // Dixon, Blake (eds.) 1991, 245—347.
- Platt J. T. 1972. *An Outline Grammar of the Gugada Dialect*. Canberra: AIAS.
- Platt J. T. 1976. [Topic C: The bivalent suffix *-ku:*] Pitjantjatjara // Dixon (ed.) 1976, 427—431.
- Simpson J. 1988. Case and complementiser suffixes in Warlpiri // P. Austin (ed.). *Complex Sentence Constructions in Australian Languages*. Amsterdam: Benjamins, 205—218.
- Tsunoda T. 1981. *The Djaru Language of Kimberley, Western Australia*. (*Pacific Linguistics*. B-78.) Canberra: The Australian National University.
- Van Geenhoven V. 1998. *Semantic Incorporation and Indefinite Descriptions: Semantic and Syntactic Aspects of Noun Incorporation in West Greenlandic*. Stanford: CSLI.
- Van Geenhoven V., McNally L. To appear. On the property analysis of opaque complements // *Lingua*.
- Waters B. E. 1989. *Djinang and Djinba — A Grammatical and Historical Perspective*. (*Pacific Linguistics*. C-114.) Canberra: The Australian National University.
- Yallop C. 1975. The Narinjari language 1864—1964 // *Narinjari: An Outline of the Language Studied by George Taplin, with Taplin's Notes and Comparative Table*. Sydney: University of Sydney, 1—109.